

Мари-Мадлен
де Любэр

Сказка

ЛИОННЕТТА и КОКЕРИКО

1786

18+

Мари-Мадлен Любэр Лионнетта и Кокерико

<https://litres.ru/74599114>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Лионнетта и Кокерико» — волшебная сказка Мари-Мадлен де Любэр о верности, свободе сердца и благодарности, которой нельзя принудить к любви. Принцесса, воспитанная львами, и юный король проходят через разлуки, ревность феи и чудесные превращения. Их путь ведёт от горной пещеры к опаловому дворцу и храму говорящего розового куста.

Перевод с редакционной адаптацией по французскому изданию 1786 года: смягчены эпизоды отчаяния и опасного противостояния, сохранены основной сюжет и развязка. С примечаниями и цветными иллюстрациями. Издание адресовано взрослому читателю.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	4
Принцесса Лионнетта и принц Кокерико	6
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мари-Мадлен де Любэр Лионнетта и Кокерико

Предисловие к русскому изданию

Перед вами старинная французская сказка в переводе с редакционной адаптацией. Издание адресовано взрослому читателю.

Мари-Мадлен де Любэр (1702–1785) соединяет в этой истории пышное волшебство с размышлениями о свободе сердца, благодарности и власти. Девочка, выросшая среди львов, и принц, воспитанный вдали от своего королевства, проходят через разлуки и превращения. При дворах фей, в галерее крошечных живых миров и среди говорящих цветов решается вопрос, который не устаревает: можно ли заслуженной благодарностью оправдать требование любви?

Перевод выполнен непосредственно с французского текста «La Princesse Lionnette et le Prince Coquerico» в тридцать третьем томе сборника «Le Cabinet des fées», изданном в Женеве в 1786 году. Этот год на обложке обозначает выбранное историческое издание. Сохранены цельное повествование, вставные рассказы и благополучная развязка. Эта редакция не является несокращённым точным переводом: отдельные эпизоды и связанные с ними реплики переработаны.

Старинная фраза передана современным русским языком. В сценах тяжёлой разлуки и утраты смягчена подача переживаний: герои ищут поддержку и возможность помочь друг другу. Некоторые прорицания и их последующие толкования согласованы с этой редакцией. Три четверостишия оракула переданы нерифмованными строками; четырёхстрочное строение сохранено. Несогласованности исходной хронологии не исправлялись произвольно; пояснения к ним и отдельным именам вынесены в примечания.

Цветные иллюстрации созданы для этого русского издания. Они следуют эпизодам сказки, но не претендуют на документальную реконструкцию костюмов и волшебной архитектуры. Французская гравюра из старого тома в художественное оформление не перенесена.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

Пусть эта встреча со старинной книгой подарит вам радость, а её герои напомнят: даже маленькое доброе дело может изменить чью-то судьбу.

2026 год.

Принцесса Лионнетта и принц Кокерико

В горах Черкесии жил старик с женой. Устав от превратностей света, они удалились от него и устроили себе удобное жилище в пещере, далеко уходившей в глубь одной из гор. Их уединение омрачала лишь мысль, что одному суждено пережить другого. Они жили прежде при дворах и хорошо знали царившую там фальшь; нисколько не жалея о блестящем положении, которое некогда занимали, они сострадали тем, кого честолюбие или неопытность ещё заставляли о нём мечтать. Жизнь их была спокойна и безмятежна. Они питались плодами; обширный пруд, где старик ловил рыбу, снабжал их ею в изобилии, а стадо овец, за которым ухаживала старуха, давало им прекраснейшую на свете шерсть для одежды. Старика звали Мюлидором, его жену — Филой. Они беспрестанно молили богов послать им хоть кого-нибудь, кто утешил бы оставшегося в живых или закрыл ему глаза. Но до сих пор их мольбы оставались без ответа. Не следует, однако, думать, будто боги отвергали столь чистое и разумное желание: они хотели испытать терпение этих добрых людей, чтобы потом вознаградить их с избытком.

Однажды старик наловил рыбы и, привязав лодку у берега, раскладывал свой улов на скале сушиться на солнце, как

вдруг из одной из расщелин стремительно выскочил лев и направился к пруду напиться. Мюлидор сперва испугался, но затем увидел, что гордый зверь рычит оттого, что не может дотянуться до воды: в этом месте она была слишком далеко от края. Старик сел в лодку, зачерпнул воду сосудом и поднёс его льву. Тот подошёл и несколько раз опорожнил сосуд. Утолив жажду, лев поднял голову и поглядел на своего благодетеля так кротко, что добрый старик осмелился его погладить. Льву это понравилось; он принял от старика немного хлеба и сыру, которые тот достал из висевшей на руке корзиночки. Всё же такое общество было небезопасно, и старик задумался о возвращении в пещеру: как бы жена, встревоженная его отсутствием, не пошла его искать и лев, оказавшись к ней менее снисходителен, не растерзал её. Эта тревога мучила его, когда лев, лизнув ему руку, сам удалился в своё логово и оставил старика свободно распоряжаться собой. Мюлидор направился к пещере, где нашёл жену уже обеспокоенной его долгим отсутствием. Он рассказал ей о случившемся. Она содрогнулась, но, обсудив происшествие, оба заключили, что людям следовало бы учиться у животных человечности и благодарности.

— И всё же не испытывайте больше снисходительность этого жестокого зверя, — нежно сказала Фила, — Берегите себя: я всё ещё тревожусь после того, как вы были так близки к гибели. Вы вернулись ко мне, но могу ли я надеяться, что боги всегда будут столь милостивы?

Тронутый её нежностью, старик пообещал впредь избегать этой встречи. За разговором они засиделись до глубокой ночи, затем уснули и проснулись лишь на заре, когда золотые лучи коснулись их глаз.

Фила вышла пасти овец и с изумлением увидела у своего порога громадного, необыкновенно сильного льва и львицу, не уступавшую ему ни силой, ни красотой. На спине львицы сидела девочка лет пяти или шести. Увидев старуху, она тотчас соскочила и бросилась её обнимать. Добрая женщина застыла от страха и удивления. Лев и львица приласкали девочку, которая отвечала на их ласки, и в одно мгновение скрылись, оставив её на попечение старухи.

Тогда Фила оправилась от испуга, взглянула на ребёнка, не перестававшего её обнимать, взяла девочку на руки и вошла в пещеру показать её мужу. Оба восхитились её красотой и кротостью. На ней не было одежды; лишь светлые волосы спускались на плечи, а под правой грудью ясно виднелось пятно в виде короны. Добрые супруги поблагодарили богов за такой дар и одели прекрасную малышку в лёгкое белое платье, подпоясанное розовой лентой. Такой же лентой перевязали ей волосы. Девочка охотно позволяла им всё это делать, но не говорила ни слова. Они приласкали её и дали свежего овечьего молока. При виде молока она улыбнулась, посмотрела на них и издала крик, похожий на львиное рычание. Впрочем, она легко к ним привыкла: кроме этих криков, ничего львиного в ней не было. Поэтому они называли

её Лионнеттой. Она отзывалась на это имя, и вскоре живой ум позволил ей понимать обращённые к ней слова, а затем и самой заговорить.

Год прожила она у добрых стариков, которые горячо её полюбили и пользовались такой же любовью с её стороны. Однажды Мюлидор взял её на рыбную ловлю: он хотел приучить девочку к их образу жизни на случай, если она их потеряет. До того он не раз рыбачил один и ни разу не встретил львов. Но едва маленькая Лионнетта подошла к подножию скалы, где старик сушил рыбу, как тихонько зарычала. Лев и львица услышали её и подбежали. Они наперебой ласкались к девочке. Она нежно обнимала львицу, которая охотно принимала её ласки, потом вскочила ей на спину — и в одно мгновение оба зверя исчезли.

Бедный старик был в отчаянии.

Он опустился на землю, потрясённый исчезновением Лионнетты. Долго он не мог собраться с мыслями, но наконец понял, что девочке может понадобиться помощь. Он поспешил в пещеру и рассказал Филе о случившемся, чтобы вместе решить, где её искать.

— Лионнетта, моя дорогая Лионнетта! — восклицала добрая женщина. — Неужели мы вас потеряли! Ах, зачем боги показали вас нам, чтобы так жестоко отнять? Из всех благ, которых мы лишились, мы жалеем только о вас!

Её скорбь не знала меры, да и бедному Мюлидору не доставало мужества перенести это несчастье. Ночь прошла в

жалобах и слезах. С первыми лучами дня старики поднялись и пошли искать девочку. Тревога за Лионнетту помогала им преодолеть страх, но они старались быть осторожными: прежде всего следовало найти девочку и убедиться, что она в безопасности.

Оба спешили к скале, где обитали львы, как вдруг увидели малышку: львица несла её к ним на спине. Завидев стариков, милое дитя прыгнуло на землю и бросилось им на шею. Потом девочка сняла со спины львицы косулю, которую та задушила на охоте.

— Вот что вам дарит матушка львица, — сказала она. — Она водила меня охотиться для вас.

Добрые старики были вне себя от радости. Они не могли удержаться от слёз и орошали ими её милое лицо.

— Дорогая наша дочь! Милое дитя! — восклицали они. — Значит, вы к нам вернулись!

Лионнетта растрогалась.

— Неужели вы запрещаете мне видеться со львицей? — спросила она. — Почему же вы с ней не говорите и плачете, обнимая меня?

— Нет, нет, дорогое дитя! — воскликнули оба. — Но мы боялись, что вы нас покинули.

— Матушка львица этого не хочет, — ответила девочка. — Она хочет, чтобы я была вашей дочерью.

Она обернулась, призывая львицу в свидетельницы, но той уже не было. Лионнетта весело вернулась со стариками

в пещеру.

Мюлидор и Филя находили во всём этом много чудесного. Обсудив происшествие наедине, они решили не отказывать львице в девочке, когда той вздумается взять её на прогулку. Вместе с тем старик предложил жене спросить Тигрелину о судьбе Лионнетты. Это была весьма сведущая фея.

— Я уже думала об этом, — отвечала Филя, — и чем скорее вы всё узнаете, тем лучше.

Решено было, что он отправится на другой день с самого раннего утра.

Добрая женщина приготовила подарок для феи, чтобы расположить её к ним. Это не были драгоценности: феям они ни к чему. Она припасла кусок небесно-голубой ленты и корзиночку лесных орехов, которые Тигрелина обожала. Мюлидор отправился в путь. Фея избрала себе жилище на краю огромного леса, кишевшего тиграми; отсюда и происходило её имя. Когда к ней шли со справедливой просьбой, тигры не причиняли вреда. Но тех, кто являлся со злым намерением, они рвали зубами, и до замка феи такие люди не добирались.

Старику нечего было опасаться, поэтому он не взял никакого оружия и без труда дошёл до замка как раз тогда, когда фея только что встала. Он застал её за нанизыванием крупных жемчужин на золотую нить. Она приняла его довольно ласково и, сняв очки с носа, сказала:

— Подойдите, мудрый старец. Я знаю, что привело вас ко мне, и рада вас видеть.

Мюлидор низко поклонился и поцеловал край платья Тигрелины. Он поднёс ей свой скромный подарок. Фея благоклонно его приняла, усадила гостя и сказала, что заглянет в свою большую книгу судеб, чтобы дать верный ответ на его вопрос. Долго читала она, потом подняла глаза к небу, затем устремила их на Мюлидора.

— Вот что я скажу о Лионнетте: ей следует остерегаться любви к тому, что прямо ей противоположно. Такая любовь может навлечь на неё великие бедствия и даже стоить ей жизни. Если она доживёт до двадцати лет, избежав этой участи, я ручаюсь за её счастье.

Затем она рассказала старику, что Лионнетта — высокородная принцесса, которую почти сразу после рождения злая королева бросила на съедение львам. Больше фея ничего не пожелала сказать. Она посоветовала Мюлидору и впредь воспитывать девочку в тех добрых чувствах, которые ему самому были свойственны, а открывать ли ей её происхождение — предоставила решить ему, полагаясь на его мудрость, способную сделать Лионнетту счастливой. Потом она вручила старику для девочки жемчужное ожерелье, которое только что закончила.

— Пусть она никогда его не теряет и никому не отдаёт, — сказала фея. — Оно убережёт её от многих бед и, быть может, послужит её счастьем, если она будет верно его хранить.

Старик поблагодарил фею и к вечеру вернулся домой. Его встретили жена и Лионнетта, осыпавшая его ласками. Он надел ей на шею жемчуг феи и настоятельно велел беречь его. Девочка была в восторге от нового украшения. Когда она отошла, Мюлидор пересказал Филе слова Тигрелины. Супруги колебались, какое решение принять, и наконец постановили ничего не говорить Лионнетте о её рождении, чтобы уберечь от горестей честолюбия, которое могло бы оказаться бесплодным.

— Мы всегда успеем открыть ей то, что сейчас скрываем, — прибавила разумная воспитательница. — Мы можем дать ей лишь воспитание простой пастушки, и нам пришлось бы винить себя, если бы, узнав о своём звании, она утратила кротость, которой так нас радует. Будем воспитывать её сердце и ум: у принцесс на это нет времени. Наша же на собственном опыте узнает, что и они, как все прочие люди, подвластны прихотям судьбы, и, быть может, станет от этого счастливее.

Мюлидор признал справедливость этих слов, и оба с ещё большим усердием занялись воспитанием милого ребёнка, чей превосходный нрав не оставлял им ничего желать.

Лионнетте было уже двенадцать лет. Она по-прежнему часто ездила на охоту верхом на львице, с маленьким колчаном за плечами, и ловко пускала стрелы в диких зверей. Однажды вечером, когда она возвращалась позднее обыкновенного, пещера огласилась львиным рычанием. Мюлидор и Фила

вышли и увидели у входа львицу, доставившую Лионнетту. Девочка лежала на земле, лаская несчастное животное, которое было в отчаянии.

— Лев умер! — воскликнула она. — Моя матушка не может утешиться. Охотник убил его стрелами!

Львица каталась по земле и проливала потоки слёз. Старик, его жена и Лионнетта делали всё, что могли, чтобы унять её горе, но целую ночь их усилия оставались бесплодными, и под утро львица сама испустила дух. Горе и крики Лионнетты не знали предела. Она не могла отойти от тела бедного зверя, обнимала его и заливалась слезами. Наконец её увели от этого страшного зрелища. Пока старик хоронил львицу, нежная Филя пыталась помочь девочке, охваченной жестокой скорбью. Вернувшийся Мюлидор был тронут её горем и хотел её утешить, но, видя, что лишь растравляет рану, сказал:

— Дочь моя, что же вы стали бы делать, если бы такое несчастье постигло нас? Не могу поверить, что вы горевали бы сильнее.

— Ах, отец мой! — воскликнула она, протягивая к нему руки, чтобы обнять. Она боялась, что он обижен её невниманием к его утешениям. — Мне страшно даже подумать о такой потере. Помогите мне справиться с этим горем: одной мне сейчас очень трудно.

— Дочь моя, — отвечал старик, — тяжёлое горе не сразу утихает. Не оставайтесь с ним одна. Мы рядом и поможем

вам; со временем вам станет легче.

Лионнетта опустила глаза и немного успокоилась, услышав ласковые слова. Мюлидор понял, что ей нужно время, и вышел, оставив девочку с женой. Филя обняла маленькую Лионнетту.

— Дочь моя, — сказала она, — мы понимаем, как вам тяжело. Вы можете говорить с нами о своей печали, и вам больше не придётся переживать её в одиночестве. Мы тоже любили этих добрых животных. Будем вместе хранить о них память и заботиться друг о друге.

— Ах, матушка, — воскликнула Лионнетта, обнимая её, — как я благодарна вам за эти слова! Передайте отцу, как я благодарна и ему. Мне стало легче оттого, что вы оба меня понимаете.

Мюлидор вернулся. Лионнетта бросилась его обнимать, и он ответил ей с такой нежностью, что милое дитя утешилось. Старики не переставали восхищаться её добрым сердцем, чувствительностью, послушанием и откровенностью; потому-то они так горячо её и любили.

После гибели львов она оставалась печальна. Тень меланхолии лежала на всех её поступках. С Филой ей было легче говорить о своей печали, а Мюлидор старался поддерживать её заботой и вниманием. Старики не раз говорили об этом между собой. Обеспокоенные её состоянием, они старались её развлечь: чаще выходили вместе гулять, позволяли ей охотиться и рыбачить, дарили птиц, цветы, раковины. Но охоту

она предпочитала всем прочим забавам. Край, где они жили, был так пустынен, что встретить там человека можно было, лишь нарочно туда забравшись или заблудившись. Поэтому дурных встреч они не опасались. И всё же Мюлидор вспоминал льва, убитого охотником. Он не понимал, как человек, проникший столь далеко, не добрался до их убежища и как его не поразила девушка верхом на львице, которая во время охоты не отходила от льва. Расспрашивать Лионнетту не решались, боясь вновь разбередить её горе; но и запретить ей охоту добрые старики не отваживались: лишить её этого развлечения казалось им жестокостью. Они лишь просили её не уходить далеко.

Через несколько месяцев Лионнетта стала понемногу веселеть. Старик и его жена были в восторге; они радовались, что своей уступчивостью помогли ей утешиться, и решили, что наконец-то она забыла львов. Девочка росла, начинала становиться девушкой и была восхитительно хороша даже в самом простом платье. Филадельфия сшила ей наряд и маленькую шапочку из прекрасных тигровых шкур. Когда Лионнетта их надевала, её можно было принять за саму Диану — столько было в ней грации и величия. Прекрасные чёрные глаза ещё ярче оттеняли свежесть её лица, которую не смели тронуть ни палящее солнце, ни самый суровый загар, как не касались они белизны её рук и груди. Сама она не придавала значения своей красоте: сила ума и воспитание ставили её выше этих даров природы. Она хорошо говорила, а мыслила ещё лучше.

Добрые старики дивились столь верным и мудрым суждениям в таком юном возрасте. Ей тогда шёл пятнадцатый год.

Несколько дней Филадельфия замечала, что перед сном Лионнетта старательно завивает волосы, а перед выходом с некоторым удовольствием смотрится в источник возле пещеры. Она рассказала об этом Мюлидору, и тот удивился не меньше её. С девушкой они, однако, не стали говорить, а решили незаметно понаблюдать за ней, чтобы понять причину этих забот. Тут они припомнили, что с некоторых пор Лионнетта стала задумчива и тревожна, а всё, что прежде её занимало, будто бы сделалось ей безразлично.

В тот день Лионнетта довольно рано вернулась в пещеру, принеся двух убитых ею диких куропадок. Филадельфия спросила, не слишком ли она устала, чтобы помочь ей допряхсть кудель, которую хотелось закончить.

— Если бы вы могли меня освободить от этого, — отвечала Лионнетта, — я была бы вам очень благодарна. Мне так хочется отдохнуть.

Фила согласилась и отпустила её в небольшой уголок пещеры, служивший девушке отдельной комнаткой. Лионнетта украсила его всем самым редким, что ей удавалось найти. Стены были убраны перьями диковинных птиц; раковины, наполненные свежей водой, служили вазами для цветов и украшали всё это милое убежище. Мюлидор научил её рисовать, и она написала несколько прелестных картин. Найденной в пещере шерстью она вышила подушки и устроила из них маленькое ложе для отдыха. На него-то она и прилегла, больше похожая на богиню, чем на смертную.

Встревоженная её долгим отсутствием, добрая женщина пошла её проведать и нашла такую, как я только что описала: полулежащей на подушках, с закрытыми глазами. Несколько слезинок, словно пробивавшихся из-под век, дали Филе понять, что прекрасная Лионнетта опечалена. Некоторое время старуха смотрела на неё: никогда ещё она не видела её такой красивой. Наконец, обеспокоенная её состоянием, подошла и нежно сжала её руки в своих. Это прикосновение пробудило Лионнетту. Она взглянула на Филу и бросилась ей на шею.

— Ах, матушка, как мне стыдно, что вы видите меня такой!

— Почему, дорогая дочь, почему вы скрываете от меня свои печали? Разве вы не знаете, как близко мы принимаем их к сердцу? Что с вами, милое дитя? Не таите от меня своего горя: быть может, я сумею его облегчить.

Лионнетта некоторое время не решалась ответить. Она держала склонённую голову в руках старухи и горячо целовала их. Наконец, набравшись решимости, поднялась; стыдливый румянец внезапно залил её щёки.

— Я расскажу, что мучает меня уже давно. Пусть по крайней мере это признание поможет мне заслужить прощение.

— Говорите, дорогая дочь, и не бойтесь меня, — отвечала Фила. — Ваше горе тревожит меня больше, чем сердит то, что вы его скрывали.

Лионнетта немного ободрилась и рассказала, что около трёх месяцев тому назад, отправившись в лес, увидела там спящего молодого пастуха. Разбудила его только стрела, которую она пустила в птицу: вместо птицы та пронзила руку юноши. Услышав его крик, девушка подошла и помогла остановить кровь.

— Эта рана, — прибавила она, — пробудила во мне неведомое чувство. Я дрожала, прикладывая к ней травы, которые собрала и свойства которых вы мне объяснили. А он, нисколько не сердясь на меня, говорил, что никогда не станет жаловаться на эту рану, но станет жаловаться на другую — ту, которую только что нанесли ему мои глаза. Хотя такие речи были мне совершенно незнакомы, они восхищали мою душу, и мне хотелось никогда с ним не расставаться. Он плакал, глядя на меня, и целовал мне руки, чтобы удержать. Я предложила ему пойти со мной: отец довершил бы его лечение.

«Не могу, прекрасная Лионнетта, — ответил он: я уже назвала ему своё имя. — Слишком суровая судьба заставляет меня искать уединения. Но обещайте иногда приходить и разделять его со мной — тогда я ничего больше не попрошу у богов и поверю, что они смягчили свою строгость».

Я обещала: он просил меня так нежно! Наконец, боясь встревожить вас, я ушла. Мне было так тяжело расставаться с ним, что я заплакала и поспешно отвернулась, чтобы он не заметил слёз: кажется, я стыдилась своего сострадания. Я вернулась тревожная и печальная, а на другой же день снова пошла его искать. Не знаю, какой стыд мешал мне вам всё рассказать: сто раз я открывала рот и сто раз чувствовала, что не могу произнести ни слова. Может быть, потому, что он просил сохранить нашу тайну. Наконец я побежала к нему, чтобы попросить позволения открыться вам.

Подходя к месту вчерашней встречи, я остановилась. Внутренний голос упрекал меня за то, что я скрыла от вас свой поступок. К тому же сердце так сильно билось, что я испугалась: вдруг мне станет дурно? «Что я буду делать здесь одна? — говорила я себе. — Помощи ждать неоткуда, а та, которую я могла бы найти, быть может, слишком опасна. Несчастливая Лионнетта, куда ты зашла! Беги, вернись к своему долгу! Ведь я непременно нарушаю его, если этот тайный шаг так лишил меня покоя. Боги предостерегают меня: такое состояние неестественно».

Размышляя, я присела; затем встала и пошла назад, но му-

чительная мысль заставила меня остановиться. «Ах, — сказала я, — быть может, он не смог прийти из-за раны, которую я ему нанесла. А если пришёл, в какое отчаяние впадёт, не увидев меня! Наверное, в этой пустыне ему больше не на кого надеяться. Отказать ему в помощи было бы слишком бесчеловечно. Узнаю только, нужна ли я ему, — лишь для этого и увижусь с ним».

Тогда я направилась к тому роковому месту, где накануне его ранила. Его там не было. Меня охватил ужас, ноги подкосились, и я упала на мох. На земле ещё виднелись следы его крови; я была потрясена горем. К счастью, полились слёзы и принесли облегчение. Но меня жестоко мучила мысль, что, быть может, я стала причиной его смерти. Я вынула стрелы и одну за другой переломала, наказывая их за свою жестокость. Тут я увидела ту, которая случайно его поразила: она лежала на земле, всё ещё окрашенная кровью. При этом страшном зрелище слёзы мои полились сильнее, я не могла сдержать криков. Их прервал сам молодой пастух, поспешно прибежавший ко мне.

Я не могла подняться. Он опустился передо мной на колени с таким испугом, что я сама испугалась его бледности. Он спросил, что со мной, и я в то же мгновение задала ему тот же вопрос. Мы успокоили друг друга; я объяснила причину своих слёз. Никогда ещё никого не благодарили с такой нежностью! Его слова проникали в самую глубину моей души. Я слушала с наслаждением, какого ещё не знала, и почти

забыла о ране, так боялась прервать его. И всё же меня удивляло, что он говорил о такой сильной любви ко мне, хотя я почти не видела его прежде. Ещё сильнее я дивилась, понимая, как дорог он мне стал. Он говорил то, чего я сама сказать не смела, и мне казалось, будто он читает в моей душе: я думала совершенно то же, что и он, только он умел выражать это так, как я, верно, никогда бы не сумела.

Наконец он сказал, что хочет принадлежать мне.

«Разве вы уже не мой? — спросила я. — Разве можете вы стать моим ещё больше? Как бы это меня обрадовало!»

Он улыбнулся. Я решила, что сказала что-то дурное, и покраснела от неловкости своих выражений. Не знаю, что он подумал, но заговорил ещё нежнее, признался, что он сын великого короля, и сказал, что хочет стать моим мужем.

«Значит, я не могу быть вашей, — ответила я. — Мне не позволят стать вашей женой».

«Кто же может помешать этому, если вы согласны?»

Тогда я рассказала, что отец и мать всегда говорили мне: корона мешает счастью в жизни, — и наверняка не согласятся на такой союз.

«Подождите несколько дней, — сказал он, — и я объясню, как смягчить их суровость. Если вы меня любите, вы можете её преодолеть. Но не переставайте приходить сюда: от этой милости зависит моя жизнь. Со мной вам нечего бояться, прекрасная Лионнетта. Нет ничего чище моей любви, и я призываю в свидетели божества этих лесов: я всегда буду

уважать вашу добродетель».

Он протянул мне руку, я подала свою и, подобно ему, поклялась любить его вечно — если вы согласитесь. Мне захотелось взглянуть на его руку: рана зажила. Как я обрадовалась! Я ушла, пообещав вернуться и ничего вам не говорить, пока он не позволит. Его образ так завладел мной, что мне казалось: я живу лишь тогда, когда близится час нашей встречи. Ничто, кроме него, больше не радовало меня; чем чаще я его видела, тем сильнее желала увидеть вновь. Он чувствовал то же. Он прелестен, матушка, и, увидев его, вы не могли бы не полюбить его. Три месяца прошли в этом сладостном согласии — и вот величайшее несчастье! Сегодня утром он сказал, что должен на несколько дней уехать по неотложным делам, единственная цель которых — обеспечить наше счастье. Я ещё не знала, что значит лишиться его присутствия, и почувствовала такую же боль, как он. Он был безутешен, но всё же уверял, что

скоро вернётся и ещё больше, чем я, жаждет довершить своё счастье. Я вся обливалась слезами. Наконец пришёл час расставаться. Я сняла ожерелье и завязала его у него на руке.

— О небо! Что вы наделали, дочь моя! — вскричала Филя. — Мы погибли, и спасения нет!

С этими словами она повалилась на землю и огласила пещеру криками. Испуганная Лионнетта поднялась ей помочь.

— Что с вами, матушка? — восклицала она. — Какое отношение к вашему горю может иметь такое незначительное ожерелье?

— Я оплакиваю вас, дочь моя, — отвечала Филя. — Ваше счастье зависело от сохранности этого несчастного ожерелья.

Тогда она пересказала слова Тигрелины, сказанные Мюлидору, и не утаила, что Лионнетта — принцесса, добавив, однако, что больше ничего не знает. Лионнетта, от природы обладавшая возвышенной душой, не была поражена этой новостью.

— Что ж, матушка, — сказала она, — чем больше вы убеждаете меня в знатности моего рождения, тем мужественнее должна я переносить предсказанные бедствия. По правде сказать, я мало в них верю. Единственное несчастье для меня — разлука с любимым пастухом и его злополучное имя, которое заставило меня против воли от него бежать. Иного горя я не знаю.

— Что вы говорите, дочь моя? — спросила старуха. — Его

имя заставило вас бежать? Объясните эту загадку: я ничего не понимаю.

— Ах, это-то и приводит меня в отчаяние! — сказала Лионнетта. — Едва я завязала ожерелье у него на руке, как он поцеловал мне руку с таким восторгом, что моё горе на миг утихло. «Да, прекрасная Лионнетта, — сказал он, — вы на всю жизнь привязываете к себе счастливого принца Кокерико». Едва он произнёс своё имя, которого прежде мне не называл — он хотел, чтобы я всегда звала его своим пастухом, — как меня охватил ужас, и я бросилась прочь со всех ног. Он побежал за мной, звал меня, но я не могла обернуться. Невидимая сила словно заставляла меня удаляться. «Дорогая Лионнетта, куда вы? — кричал он. — Это ваш пастух, это Кокерико вас зовёт!» Я бежала ещё быстрее. Наконец он скрылся из виду: то ли я свернула на незнакомые ему тропинки, то ли он побоялся рассердить меня дальнейшим преследованием. Я пришла сюда в таком смятении, что едва смогла скрыть его от вас. Остальное вы знаете, матушка. Вот всё, что случилось. Тысячу раз прошу простить меня за то, что я так мало воспользовалась вашими мудрыми наставлениями. И хотя своим рождением я обязана, по-видимому, могущественным государям, я никогда не перестану вам повиноваться.

Когда Лионнетта заканчивала рассказ, вернулся Мюлидор. Ему сообщили о происшествии. Старик был в величайшем страхе перед последствиями утраты ожерелья; он не ре-

шили даже пойти за советом к Тигрелине, чьё повеление было так явно нарушено. Они решили ждать, что судьба назначит принцессе, и убеждали её забыть молодого человека. Но скорее им удалось утешить её в разлуке: несмотря на печаль, она находила отраду в их беседах.

Так прошло два месяца. Однажды ночью, когда все крепко спали, удар грома внезапно разбудил их: казалось, пещера вот-вот обрушится. Они вскочили, но не успели прийти в себя. Безобразная фея в чрезвычайно богатом наряде коснулась их своей палочкой, превратила в двух львиц и льва и в одну минуту перенесла в лес тигров. Там она их оставила и исчезла.

Кто мог бы выразить изумление мудрого старика и горе его жены! Но печаль принцессы была ещё мучительнее: она винила себя в несчастье этих добрых людей. Более всего терзало её то, что, лишившись речи, она не могла их утешить. Нынешняя беда на миг заслонила в её мыслях принца Кокерико. Но когда она подумала, что, встретив его, испытает лишь страх или останется им не узнана, то зарычала так страшно, что весь лес отозвался эхом. Бедные спутники подошли, стараясь её успокоить. Её скорбь только усилилась при виде того, что они не могут ни понять её, ни заговорить с ней. Все трое стонали; наконец каждому пришлось в голову отправиться к фее, хотя сообщить друг другу это намерение они были не в силах. Лев первым пошёл по дороге, обе львицы последовали за ним. Но тигры преградили им путь, не

причиняя, впрочем, вреда. Убедившись в бесплодности своих попыток, они поняли, что так приказала фея. Тогда они углубились в лесную чащу и с великой печалью улеглись на прекрасной зелёной траве, заменившей им постель. В этом месте они провели немало времени, а фея так и не появилась. Однако она позаботилась об их пропитании: один из тигров ежедневно приносил им пищу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.